

У Лу Юаня родни не было, старшие давно поумирали. После того как жена скончалась от болезни, Лу Юань целый год пребывал в унынии, дом совсем обветшал. Сын Няньци весь год недоедал, мяса на нём — не набралось бы и нескольких лян, худющий, жалкий. Вот он и запер старый дом, взял сына и отправился в уезд Волун — потому что там проходил хороший речной путь, рыба водилась тучная, можно было прокормиться.

Перед самым входом в город он остановился с сыном передохнуть в храме местного божества и наткнулся на прикорнувшего в горах Девятнадцатого.

Ребёнок на вид трёх-четырёх лет, один ютится в горном заброшенном храме — что ни говори, ненормально.

Лу Юань задал Девятнадцатому несколько простых вопросов — и приблизительно догадался, в чём дело.

Этот Девятнадцатый изначально жил в уезде Гэ, что в сотне ли отсюда. Дома братьев-сестёр было видимо-невидимо, да ещё и засушливый год выдался. Родители, видимо, прокормить не могли, вот и пришлось нескольких бросить. Сначала, наверное, хотели продать, только этот Девятнадцатый был болезненного вида, казалось, и выживет едва ли, да ещё и с глазами от рождения проблемы — в четыре года уже всё видел расплывчато, продать не получалось.

Не продаётся — остаётся бросить. Бросить близко — как бы не дополз обратно, вот и бросили за сотню ли. В храме местного божества путники иногда останавливаются, вдруг попадётся добрый человек — и заберёт.

Мысль была чересчур оптимистичной, ибо добрых людей в тех лесах куда меньше, чем разбойников да волков-шакалов. Скорее уж, чем кто-то заберёт, разбойники схватят или шакалы сожрут.

Но Девятнадцатому повезло: он наткнулся на Лу Юаня.

Лу Юань рассудил: одного сына растить — растить, двух — тоже растить, Няньци хоть товарища себе приобретёт. И без лишних слов забрал Девятнадцатого с собой.

Позже, правда, выяснилось, что Девятнадцатый — не очень-то товарищ для игр, потому что вместо того чтобы носиться сломя голову, он предпочитал тихо сидеть. Зато Девятнадцатый был сыном послушным: хоть и видел плохо, каждый день на ощупь помогал Лу Юаню разбирать рыбу да креветок, а то и приставлял скамеечку, стоял у очага, варил похлёбку-затируху.

Поэтому Лу Юань Няньци поколачивал, а Девятнадцатого пальцем не трогал, даже жалел его особо.

Дети всегда любят бегать за теми, кто чуть постарше, и Няньци не исключение. Хоть Девятнадцатый и был молчаливым, Няньци всё равно ходил за ним по пятам. В собственных глазах Няньци — помогал, в глазах Девятнадцатого — только мешал.

Например, Девятнадцатый поставил у стены таз с кипятком остывать — собирался помочь отцу прополоскать рабочую одежду да обувь, чтоб рыбный дух выбить. А Няньци семенит по кухне туда-сюда, непременно хочет помочь, да поскользнулся — и плюхнулся задом прямо в таз с кипятком, заревел, как под ножом.

Или: на дереве во дворе завелись насекомые, коконы висят, плодам мешают. Девятнадцатый

притащил деревянный шест, собрался коконы сбить. Няньци опять семенит помогать, сбивает-сбивает, а потом видит — коконы занятные, отковырял один, приставил ко рту, свистит. Свист громкий, Няньци от радости прыгает. Только к вечеру губы распухли, как колбаски, опять заревел, как под ножом.

Поначалу Девятнадцатый при виде него голову ломал, потом глаза совсем стемнели, разглядеть ничего не мог — и привык.

С тех пор как зрение стало смутным, почти слепым, Девятнадцатый обнаружил, что стал видеть странные вещи и слышать странные звуки. Иногда не выдерживал, шёл на звук, выходил из дома, искал-искал, а не найдя источник, молча возвращался и продолжал работу.

Было ему девять лет, Няньци только семь стукнуло. Как-то в полдень он снова услышал странный звук, не вытерпел, вышел из кухни и, ошупью пробираясь, потянулся к реке. Няньци к тому времени по сравнению с ранним детством немного угомонился, возможно, из-за того, что старший брат почти ослеп, наконец-то поумнел, иногда даже понимал, что надо позаботиться. Увидел, что Девятнадцатый выходит, — тут же бросился следом, всю дорогу талдычил, чтоб брат вернулся.

Но Девятнадцатый словно бесом вселился — не слышал.

В тот самый полдень Девятнадцатый в величайшем речном тумане внезапно увидел тень дракона, но, едва успев изумиться, в следующее мгновение — бух в воду.

Няньци инстинктивно прыгнул следом, хотел вытащить слепого брата на берег, но обнаружил, что, как и в бесчисленных случаях в детстве, — думал, что помогает, а на деле только мешает, чуть свою жизнь не угробил.

Место, куда они упали, было довольно глухим речным берегом, ни рыбацких лодок, ни пассажирских судов не видать. Если бы не пара торговцев овощами, что как раз проходила мимо, они бы так и сгинули в реке, никто и не узнал.

Старик-торговец плавать не умел, но Няньци узнал.

«Когда отец подбежал, Няньци уже и шевелиться перестал, — неспешно говорил Лу Шицзю. — В тот день на воде было беспокойно, вытаскивать двоих сразу — слишком опасно. Он подтолкнул меня, я кое-как глотнул воздуха, а потом он сначала вытащил Няньци. Когда вернулся за мной, на воде, невесть почему, внезапно поднялись волны. Я почувствовал под ногами подводный водоворот, тот водоворот, кажется, зацепил его за лодыжку, короче, он то всплывал, то шёл ко дну, много воды наглотался.»

Он вдохнул, поморщился и тихо выдохнул: «Когда меня вытолкали на берег, его водоворот утянул вниз, прямо под воду, и больше он не всплыл.»

«С тех пор отца не стало, а Няньци, едва увидит воду, — пугается, и больше за мной по пятам не ходит,» — бесстрастно закончил Девятнадцатый.

Казалось, он не умел ни плакать, ни проявлять слишком явных эмоций. Говорил это ровным тоном, словно о чужом, даже глаза ни капли не покраснели, но слушать было почему-то неловко, будто невольно начинал сочувствовать ему.

Сюань Минь рядом убрал те две пластины с вырезанными знаками и вдруг произнёс: «Линии на ладони Лу Няньци я мельком видел. На шестом году жизни — разрыв, но кто-то

искусственно их продлил.»

Девятнадцатый смотрел на Няньци, не поднимая глаз, не говоря ни слова.

Спустя долгое время, видя, что Няньци по-прежнему без сознания, он снова тихо проговорил: «Я тогда ещё мало что понимал. Думал, если придумать способ продлить — и ладно. Пусть даже... расти будет медленнее, лишь бы жил. Всё равно жить можно хорошо, лишь бы все живы были. Но...»

Но не думал, что, продлив жизнь Няньци, Лу Юань навлёт на себя напасть.

Равноценная сделка.

Закончив, он наконец поднял глаза на Сюань Миня: «Эта гробница не закончилась, впереди ещё есть проход наружу, опасности тоже нет. Не сможешь ли мне ещё раз — проводить Няньци немного дальше.»

Сюань Минь бросил на него взгляд: «Последняя помощь?»

Девятнадцатый опешил, тихо «хм» кивнул, потом вздохнул: «А то ведь зря сюда ходил.»

Сюань Минь приоткрыл рот, ещё не успел ответить, как из тёмного мешочка воззрился Сюэ Сянь: «Глубина этого бассейна — этажей десять, не меньше. Как наверх-то выбираться, чтобы идти дальше?»

Задав вопрос, не дав другим и шанса ответить, он тут же, с хитринкой, продолжил: «Может... я воду обратно выплуну, вы всплывёте? Отличный способ, время и силы экономит!»

Девятнадцатый: «...»

Сюань Минь невозмутимо молвил: «Не утруждайся. Раз проглотил — терпи.»

Сюэ Сянь аж задохнулся от возмущения.

Пока они разговаривали, всё молчавший старик Лю тихонько хлопнул Девятнадцатого по плечу и указал в одном направлении.

Сюань Минь и остальные последовали за его пальцем и увидели: на стене бассейна в том месте — чёрная тень в человеческий рост.

Сделав несколько шагов и приблизившись, они обнаружили, что это, оказывается, железная дверь.

Только, неизвестно сколько здесь простояв, и замок, и щели намертво проржавели, а бумажные талисманы Сюань Миня в погребальном зале были бесполезны, так что всем пришлось изрядно потрудиться, чтобы разбить проржавевший замок обломками камней.

Скрип открывающейся железной двери был пронзительным до ужаса, так что даже Няньци, полдня пролежавший в обмороке, открыл глаза.

«Очнулся?» — Девятнадцатый сразу же повернулся и увидел его. «Встать можешь? Можешь — не валяйся. Чтобы выбраться — иди сам, здесь тебя на себе никто не понесёт.»

Едва Няньци пришёл в себя, он снова вернулся к холодной, отстранённой манере, ни капли не

пытаясь сблизиться с братом.

<http://bllate.org/book/16289/1467947>